

DOI 10.35775/PSI.2025.125.1.039

УДК 32.327

Р.Р. ГАРИФЗЯНОВ

аспирант ФМО СПбГУ,

Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: r.r.garifzyanov@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННЫХ ДОКТРИН РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН НА ФОНЕ «АФГАНСКИХ СОБЫТИЙ»

Политическая нестабильность в Афганистане, выступающая источником военных и террористических угроз, а также проблемы наркотрафика, является ключевым внешним фактором, детерминирующим эволюцию оборонной политики Республики Узбекистан на протяжении всего периода независимости.

Целью исследования является анализ влияния изменений внутривнутриполитической ситуации в Афганистане на формирование и трансформацию военных доктрин Узбекистана. Для её достижения поставлены следующие задачи: выявить этапы эволюции доктринальных документов; установить прямую корреляцию между ключевыми событиями в Афганистане и содержанием доктрин; охарактеризовать сдвиги в стратегических приоритетах национальной безопасности.

Исследование основано на сравнительно-историческом и структурно-функциональном анализе текстов военных доктрин РУз (1995, 2000, 2018 гг.) и сопоставлении их содержания с этапами афганского конфликта (гражданская война, правление «Талибана», присутствие международной коалиции, возвращение талибов к власти).

В результате установлено, что каждая доктрина являлась прямым ответом на конкретные вызовы, исходящие из Афганистана. Доктрина 1995 г., принятая в условиях гражданской войны, носила оборонительный характер. Доктрина 2000 г., сформированная под влиянием активности террористических группировок (ИДУ) и радикализации ислама, сместила акцент на противодействие религиозному экстремизму. Доктрина 2018 г., разработанная на фоне вывода войск НАТО, демонстрирует переход к проактивной, многовекторной и открытой стратегии, учитывающей новые угрозы (киберпространство, информационная война) и делающей ставку на превентивные меры и международное сотрудничество.

Исследование подтверждает тезис о том, что военная политика Узбекистана в значительной степени отвечает вызовам и угрозам, исходящим из Афганистана. Эволюция доктрин демонстрирует путь от концепции жесткой обороны и нейтралитета к стремлению к комплексной безопасности с упором на идеологический, информационный и экономический факторы, что свидетельствует о растущем прагматизме и адаптивности внешнеполитического курса страны.

Ключевые слова: военная доктрина, Узбекистан, Афганистан, безопасность Центральной Азии, Талибан, ОДКБ, гибридные угрозы.

Введение. Политическая ситуация в Афганистане на протяжении десятилетий оставалась ключевым фактором, определяющим военную политику Республики Узбекистан (РУз). С момента обретения независимости в 1991 г. Узбекистан столкнулся с необходимостью формирования собственной системы безопасности в условиях нестабильности, исходящей из соседнего Афганистана. Гражданская война, приход к власти движения «Талибан», деятельность иных террористических группировок (ИДУ, Аль-Каида (1)) и наркотрафик – все эти факторы оказывали прямое влияние на трансформацию военных доктрин страны.

Цель данного исследования – показать, как изменения политической ситуации в Афганистане влияли на эволюцию военной стратегии Узбекистана. В работе рассматриваются ключевые этапы реформ, роль международного сотрудничества и современные вызовы, связанные с ситуацией в Афганистане.

В рамках данного исследования изучается генезис политики военной безопасности Республики Узбекистан, нашедшей отражение в последовательно принимаемых военных доктринах, при этом акцент делается на исследовании концептуальных, а не технических аспектов данной проблемы, в частности, на анализе эволюции подходов к построению системы военной безопасности под влиянием факторов, связанных с ситуацией в Афганистане.

Формирование основ национальной безопасности в 1991-1995 гг. После распада СССР главным внешним вызовом для Узбекистана стала нестабильность на южной границе. Уже в 1992 г. вспыхивает гражданская война в Афганистане, а затем и в Таджикистане, что заставляет Узбекистан ввести войска в приграничные районы. Республику Узбекистан наиболее беспокоила война в Афганистане, в котором проживало порядка 9% этнических узбеков. Часть из них была принята Узбекистаном как беженцы. Некоторые из узбеков, оставшихся в Афганистане, стали непосредственными участниками гражданской войны, перейдя под знамена полевого командира генерала Абдул-Рашида Дустума, с которым у РУз были сложные отношения [5. С. 1113].

Перемены в афганском конфликте начались с 1994 г., когда малоизвестное пуштунское движение Талибан стало набирать силу и влияние. На этом этапе боевиками Талибана в основном были молодые и необразованные пуштуны-беженцы из Пакистана [14. С. 15-17]. Уже в ноябре 1994 г. они установили контроль над Кандагаром. Постепенно сфера влияния талибов расширялась. Они практически не встречали сопротивления со стороны уставшего от войны населения. К середине 1995 г. талибы установили контроль над большим количеством афганских провинций, тем самым создав угрозу и без того разрозненному правительству Афганистана, а также соседним странам, в особенности Узбекистану. Все это стало первым испытанием для новообразованного государства.

Военная доктрина 1995 г. На фоне политической нестабильности в Афганистане 3 августа 1995 г. была принята первая официальная военная доктрина РУз. Особенностью данной доктрины является краткость положений, а их формулировки достаточно абстрактны и неконкретны. При этом доктрина 1995

г., несомненно, принималась с оглядкой на афганскую действительность. К этому времени талибы властями многих стран Центральной Азии (ЦА) стали восприниматься как угрожающая сила. К сентябрю 1995 г. талибы контролировали уже значительную часть восточных, западных и южных провинций Афганистана.

Так, в доктрине прописан ряд пунктов, напрямую отсылающий к событиям в Афганистане. Например, в разделе «Потенциальные источники военной опасности» [3] обозначены следующие факторы:

- «террористические акты, осуществляемые в регионе экстремистскими политическими организациями, незаконными воинскими формированиями, а также их деятельность, направленная на разжигание националистических настроений и религиозной нетерпимости»;
- «нестабильность политической обстановки в сопредельных странах и возможность ее эскалации».

Представляется, что последний пункт имеет отношения именно к афганским событиям, а не к таджикскому конфликту, который обострился в рассматриваемый период времени. События в Таджикистане оказались сугубо внутренними и практически не повлияли на сопредельные страны. Афганистан же стал источником конфликта, последствия которого затронули многих соседей по региону.

Таким образом, первая военная доктрина РУз была принята в период гражданской войны в Афганистане (1992-1996 гг.), когда угрозы исходили от различных вооружённых группировок. Узбекистан делал акцент на защиту границ и нейтралитет, избегая прямого вовлечения в конфликты.

Трансформация системы национальной безопасности Узбекистана в 1996-2000 гг. С приходом в 1996 г. в Афганистане к власти талибов Узбекистан разорвал с ними дипломатические отношения. Радикальные пуштунские националисты талибы представляли для стран ЦА и в частности для Узбекистана не только военную, но и идеологическую опасность. Талибам присущ религиозный фанатизм, которому страны ЦА в 1990-е годы не научились противостоять. Особенно это касалось Узбекистана, наиболее страдавшего от радикализации ислама.

В 1997 г. произошел первый крупный инцидент на границе: отряды Талибана атаковали погранпост в Сурхандарьинской области. Это заставило Ташкент ускорить милитаризацию приграничных районов, принять концепцию национальной безопасности [9] и предпринять дальнейшие действия по решению данной проблемы. Так, по инициативе И. Каримова в 1998 г. была создана контактная группа «6+2». В ее состав вошли: Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Пакистан, Китай, Иран, России и США, представители Северного Альянса и талибы. С падением в августе 1998 г. Мазари-Шарифа – столицы генерала Дустума – Узбекистан почувствовал свою уязвимость. В итоге 21 июля 1999 г. была подписана «Ташкентская декларация», просуществовавшая вплоть до теракта 11 сентября 2001 г.

Основными угрозами, с которой столкнулся Узбекистан в это время, были религиозный фанатизм и терроризм. Распространению этих угроз способствовало соседство с Афганистаном. Талибы все чаще принимали у себя боевиков из Центральной Азии, в частности созданное в 1998 г. Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Выбор Афганистана в качестве альтернативного убежища для ИДУ был связан с тем, что оно идеологически было близко к Талибам.

С этого момента фактор афганского конфликта становится все более ощутимым для стран ЦА. Свидетельством его эскалации стало покушение в 1999 г. на президента РУз и вторжение ИДУ в южные районы Кыргызстана с целью дальнейшего вторжения в Узбекистан. Эта история получила название «Баткенские события». Данный инцидент стал сигналом Узбекистану для пересмотра своей стратегии в сфере безопасности.

Новая оборонная доктрина 2000 г. Эскалация афганского конфликта в феврале 2000 г. способствовала тому, что Совет национальной безопасности Республики Узбекистан принял новую оборонную (военную) доктрину РУз. Данная доктрина, как и Концепция национальной безопасности 1997 г., носила закрытый характер и не была опубликована [11]. Новая доктрина по-прежнему остается оборонительной, хотя акценты в этом документе расставлены иначе. В числе ключевых угроз национальной безопасности в документе особое внимание уделено терроризму и религиозному экстремизму [15], что следует считать прямым ответом на угрозы, исходящие из Афганистана.

Доктрина предусматривала формирование интегрированных, высококомбинированных и самодостаточных вооруженных сил, способных эффективно обеспечивать безопасность государства. Особый акцент был сделан на модернизацию военной инфраструктуры, повышение уровня технической оснащенности войск и совершенствование профессиональной подготовки личного состава. Кроме того, значительное внимание уделялось укреплению пограничных войск, что было обусловлено необходимостью контроля за протяженными и потенциально уязвимыми участками государственной границы [2. С. 65].

Преемственность с предыдущей доктриной 1995 г. проявилась в сохранении курса на дальнейшие реформы вооруженных сил и повышение их боеготовности, что соответствовало долгосрочным интересам национальной безопасности Узбекистана [2. С. 65].

Таким образом, оборонная доктрина 2000 г. отражала комплексный подход к обеспечению обороноспособности государства с учетом как внутренних, так и внешних вызовов, включая дестабилизирующие факторы, исходящие из Афганистана.

Вторжение США в Афганистан и его последствия. События 11 сентября оказали колоссальное влияние на политику многих государств в сфере борьбы с терроризмом. Собирая коалицию для «борьбы с международным терроризмом» [4. С. 59], Соединенные Штаты обратились к ряду национальных лидеров ЦА, с которыми Вашингтон ранее имел ограниченное взаимодействие. Он пообещал им,

что в обмен на их поддержку Соединенные Штаты будут более внимательны к их проблемам [1. С. 89-92].

Политики Соединенных Штатов говорили об увеличении помощи, а лидеры большинства государств региона подтвердили свою приверженность целям экономических и политических реформ. Так США удалось организовать себе плацдарм для проведения антитеррористической операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане. После ее начала формат «6+2» для Узбекистана перестал быть актуальным. Узбекистан стал активно оказывать содействие силам Международной коалиции, предоставляя воздушное пространство и территорию для провоза невоенных грузов для сил альянса. РУз также предоставила Германии аэродром в городе Термезе, а США – аэродром в Ханабаде [7. С. 280].

Операция, начавшаяся в октябре 2001 г., увенчалась успехом, уже в декабре того же года пал Кандагар. Во главе страны встал Хамид Карзай, назначенный главой переходной афганской администрации. После этого для Узбекистана наступил период политического спокойствия на афганской границе и сближения с Западом. В 2004 г. Узбекистан присоединился к программе «Партнерство ради мира» (ПРМ) с НАТО, что позволило офицерам проходить обучение в военных академиях Германии и Турции [13]. Данный период относительно мира продлится достаточно долго.

После вывода основных сил НАТО из Афганистана в 2014 г. ситуация вновь начала меняться. На политическую карту Афганистана возвращаются талибы, которые в 2015 г. контролировали уже 7% территории страны. Кульминацией их резкого возвращения стал захват столицы провинции Кундуз в сентябре 2015 г. Это была их крупнейшая победа с 2001 г. Афганским властям удалось вернуть контроль над городом лишь благодаря поддержке коалиционных сил. Захват талибами Кундуза стал полной неожиданностью для командования США и НАТО и сигналом для стран ЦА, которые начали утрачивать веру в способность США стабилизировать ситуацию в Афганистане.

В 2016 г. после смерти И.А. Каримова к власти в Узбекистане пришел Ш. Мирзиёев, при котором внешняя и внутренняя политика республики претерпела заметные изменения. Афганистан перестал рассматриваться исключительно как угроза, а превратился в стратегический рынок сбыта промышленной продукции РУз. Для расширения экономического взаимодействия двух стран со стороны Узбекистана был ослаблен таможенный контроль. Это решение привело к росту торговли между двумя государствами. Так, в 2020 г. объем торговли между двумя странами вырос на 74,4% по сравнению с 2015 г., а общий товарооборот составил 776,9 млн долларов США [12. С. 18]. Кроме того, Ташкент наладил устойчивый диалог с талибами [6. С. 432]. Все это послужило гармоничному развитию афгано-узбекских отношений после 2021 г.

Тем не менее, ситуация в Афганистане в период с 2017 г. характеризовалась как крайне сложная. Многое тогда зависело от внешнего актора – США, которые находились в Афганистане с 2001 г. и к 2017 г. имели значительное военное присутствие в стране. Однако начавшееся сокращение контингента послужило

сигналом для активизации талибов, которые с 2017 г. стали контролировать значительную часть территории страны, включая отдаленные районы. Боевые действия были непрерывными, а показатель гражданских жертв конфликта оставался высокими.

В условиях этой относительной стабильности и снижения непосредственной внешней угрозы деятельность по разработке новых доктринальных документов была приостановлена. Однако очередная эскалация конфликта в Афганистане актуализировала данную проблему, вынудив власти Узбекистана вернуться к модернизации концептуальных основ безопасности.

Принятие закона об оборонной доктрине Республики Узбекистан. 9 января 2018 был принят закон «Об оборонной доктрине республики Узбекистан» [8]. Председатель комитета Сената по вопросам обороны и безопасности Ф. Дадаходжаев на представлении закона заявил, что закон «Об оборонной доктрине» призван объединить два действующих в настоящий момент документа: военную доктрину, утвержденную парламентом в 1995 г., и оборонную доктрину, утвержденную в 2000 г. Новая доктрина так же, как и предыдущие два документа, носит оборонный характер и не предусматривает участия армии Узбекистана в военных действиях за пределами страны [11].

В отличие от Оборонной доктрины 2000 г., новая редакция документа характеризуется открытым характером, что соответствует современной международной практике разработки подобных стратегических концепций. Данный подход закрепляет и развивает курс на открытость внешней политики Узбекистана, предусматривает приоритетное развитие конструктивных отношений с государствами региона и обеспечивает транспарентность оборонной политики. Кроме того, доктрина создает необходимые организационно-правовые предпосылки для эффективного военно-политического взаимодействия с иностранными государствами в сфере безопасности и обороны.

Новую доктрину можно сравнить лишь с аналогичным документом 1995 г., так как оба документа обнародованы. Доктрина 1995 г. принималась в условиях становления молодого суверенного государства. Документ носил сугубо оборонительный и изоляционистский характер («Узбекистан ни на кого не нападет, но и никому не позволит угрожать себе»). Главная цель – сохранить территориальную целостность любой ценой. Доктрина 2018 г. – это доктрина независимого государства, которое осознает свою роль в регионе. Она проактивная, гибкая и многовекторная. Цель – не просто выжить, а обеспечить устойчивое развитие, предотвращать угрозы, активно сотрудничать на международной арене.

В новой доктрине также подчеркивается, что на ее принятие прямым образом повлияла ситуация в соседнем Афганистане и сопутствующие этому угрозы. В ней говорится, что на ситуацию в ЦА негативно влияют сохраняющиеся вызовы и угрозы терроризма, экстремизма и наркотрафик. Ключевым фактором, усугубляющим комплекс угроз безопасности региона, остается активность незаконных вооруженных формирований на территории Афганистана [8]. Указанные факторы риска, исходящие из Афганистана, также прописаны

в пункте «Политика Республики Узбекистан в области обороны» третьего раздела второй главы. В нем говорится про содействие установлению и поддержанию мира и стабильности в регионе, поиск решений по актуальным вопросам безопасности, в том числе посредством содействия политическому урегулированию в Афганистане [8].

Помимо уже озвученных традиционных угроз в новой доктрине значительно расширен список угроз с акцентом на современные формы ведения войны, что не удивительно, учитывая, что прошлая доктрина была принята восемнадцать лет назад. Так, упоминаются: «Киберугрозы и информационные войны» (данный термин озвучен практически в каждом разделе доктрины), например, в восьмом пункте второго раздела второй главы упомянуты «идеологические и психологические акции в информационно-коммуникационном пространстве». В первом разделе третьей главы под заголовком «Характер современных военных конфликтов» указано, что данный подход предполагает заблаговременное воздействие на информационно-психологическую сферу с целью конструирования политических мотивов и мобилизации международной поддержки для разрешения противоречий. Для защиты от киберугроз важно комбинированное использование военных и невоенных инструментов (политических, экономических, информационно-психологических) для достижения стратегических целей [8].

В отличие от доктрины 1995 г., в которой основной акцент сделан на силовом противодействии угрозам, в доктрину 2018 г. включена мощная идеологическая и профилактическая составляющая. Так, она предусматривает, что одной из составляющих подготовки страны к возможным военным конфликтам является систематическая деятельность по патриотическому воспитанию населения РУз и формированию у них гражданской ответственности за будущее страны, а также комплексная духовно-просветительская и психологическая подготовка военнослужащих [8].

Таким образом, эволюция от Доктрины 1995 г. к Доктрине 2018 г. – это путь от крепости, закрывающейся от враждебного мира до активного и открытого участника системы региональной и глобальной безопасности. Новая доктрина отражает возросший военно-политический потенциал Узбекистана, а также его готовность противостоять вызовам и угрозам XXI века.

На данный момент доктрина 2018 г. является последним подобным документом. Однако в 2021 г. произошел новый виток афганского конфликта. В начале мая 2021 г. талибы начали широкомасштабное наступление, захватив обширные сельские территории страны, укрепив позиции группировки в некоторых районах, где она уже имела значительное присутствие. По оценкам специалистов с мая по июнь 2021 г. под контроль талибов перешло более 100 из 400 районов Афганистана [16. С. 10.].

На фоне политических пертурбаций в соседнем Афганистане, Узбекистан 1 июля 2021 г. принимает «Национальную стратегию Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021-2026 гг.» [10]. Это

является закономерным ответом РУз на таящую в себе угрозы афганскую внутртриполитическую ситуацию. В девятом параграфе второй главы под названием «Международное и региональное сотрудничество» говорится, что РУз продолжает активное взаимодействие с региональными и международными партнерами в рамках усилий по урегулированию ситуации и достижению стабильности в Афганистане. Там же сообщается, что Узбекистан считает необходимым реализацию следующих задач, одна из которых: «наращивание инициатив по концентрации внимания мирового сообщества и региональных организаций к обеспечению мира и согласия в Афганистане и привлечение этой страны к процессам регионального сотрудничества, включая противодействие экстремизму и терроризму» [8].

После возвращения к власти талибов Узбекистан подтвердил поддержку с ними дружеских отношений и плодотворного сотрудничества. В связи с этим Узбекистан перестал рассматривать талибов как потенциальную опасность. В результате его доктринальная и правовая база перестала меняться под давлением внутртриполитической ситуации в Афганистане.

В заключение хотелось бы отметить, что Афганистан всегда был ключевым фактором, оказывающим влияние на формировании военной политики Узбекистана. Именно угрозы, исходящие из Афганистана, приводили к трансформации военных доктрин Узбекистана. Так Военная доктрина Республики Узбекистан 1995 г. принималась в условиях угрозы гражданской войны, Оборонная доктрина Республики Узбекистан 2000 г. сформулирована с учетом возросшей угрозы терроризма, Оборонная доктрина Республики Узбекистан 2018 г. принималась на фоне угрозы дестабилизации политической обстановки региона после ухода США из Афганистана. Кроме того, содержание каждой из доктрин детерминировалось геополитической конъюнктурой как на глобальном, так и на региональном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Признана в России террористической организацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Арунова М.Р., Иваненко В.И. Афганская политика США в 1945-2014 гг. М.: РИСИ, 2015.
2. Бабаджанов А.Я. Анализ военных доктрин государств-участников ОДКБ // Вестник МГИМО. 2008. № 3.
3. Военная доктрина Республики Узбекистан: постановление Олий Мажлиса Респ. Узбекистан от 30 авг. 1995 г. № 105-I (утратило силу) // LEX.UZ: Нац. база данных законодательства // <https://lex.uz/docs/134026#134033>.
4. Гарбузарова Е. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 4.

5. **Есентаева А.** Фактор Афганистана во внешнеполитическом курсе центральноазиатских государств // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 3.
6. **Князев А.А., Гулам Н.Я.** Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4.
7. **Мирзоев С.Т.** Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2019. № 2.
8. Об Оборонной доктрине Республики Узбекистан: закон Респ. Узбекистан от 9 янв. 2018 г. № ЗРУ-458 // LEX.UZ: Нац. база данных законодательства // <https://lex.uz/docs/3495906>.
9. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Узбекистан: закон Респ. Узбекистан от 29 авг. 1997 г. № 467-I // LEX.UZ: Нац. база данных законодательства // <https://lex.uz/ru/docs/118285>.
10. Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021-2026 годы: указ Президента Респ. Узбекистан от 1 июля 2021 г. № УП-6255 // LEX.UZ: Нац. база данных законодательства // <https://lex.uz/en/docs/5491628>.
11. Сенат Узбекистана одобрил закон об оборонной доктрине // Sputnik Узбекистан. 20 дек. 2017 // <https://uz.sputniknews.ru/20171220/senat-uzbekistana-odobril-zakon-ob-oboronnoj-doktrine-7114061.html>.
12. **Шапиро Н.И.** Новый этап афганского кризиса и альтернативы внешнеполитической стратегии США // Международная аналитика. 2017. № 3 (21).
13. Relations with Uzbekistan // NATO // https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_22839.htm.
14. The cost of war: Afghan experiences of conflict, 1978-2009. Kabul: Oxfam International, 2009.
15. **Tolipov F.** The Military Forces of Uzbekistan Twenty Years after Independence // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2010. Issue 11 // <https://doi.org/10.4000/pipss.3785>.
16. U.S. Military Withdrawal and Taliban Takeover in Afghanistan: Frequently Asked Questions. Washington, DC: Congressional Research Service, 2021.

R.R. GARIFZIANOV

Postgraduate student at the Faculty
of International Relations, St. Petersburg State
University, St. Petersburg, Russia

EVOLUTION OF MILITARY DOCTRINES OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN AGAINST THE BACKGROUND OF THE «AFGHAN EVENTS»

The political instability in Afghanistan, which is a source of military, terrorist and drug trafficking threats, has been a key external factor determining the evolution of the defense policy of the Republic of Uzbekistan throughout the entire period of independence.

The purpose of the research is to analyze the impact of changes in Afghanistan's domestic political situation on the formation and transformation of Uzbekistan's military doctrines. To accomplish this purpose the following objectives have been set: to identify the stages of the evolution of doctrinal documents; to establish a direct correlation between key events in Afghanistan and the content of the doctrines; to characterize shifts in the strategic priorities of national security.

The research is based on a comparative historical and structural-functional analysis of the texts of the military doctrines of the Republic of Uzbekistan (1995, 2000, 2018) and by juxtaposing their provisions with the stages of the Afghan conflict (civil war, Taliban rule, the presence of the international coalition, the return of the Taliban to power).

It was revealed that each doctrine was a direct response to the challenges emanating from Afghanistan. The doctrine of 1995, adopted during the civil war, was defensive in nature. The doctrine of 2000, shaped by the activity of terrorist groups (IMU) and the radicalization of Islam, shifted the focus to countering religious extremism. The 2018 doctrine, developed in the context of the withdrawal of NATO troops, demonstrates the transition to a proactive, multi-vector and open strategy that integrates new threats (cyberspace, information warfare) and relies on preventive measures and international cooperation.

The research confirms the thesis that Uzbekistan's military policy largely responds to the challenges and threats emanating from Afghanistan. The evolution of the doctrines reflects the path from rigid defense and neutrality to comprehensive security with an emphasis on the ideological, informational and economic dimensions, which indicates the growing pragmatism and adaptability of the country's foreign policy.

Key words: military doctrine, Uzbekistan, Afghanistan, Central Asian security, Taliban, CSTO, hybrid threats.